Блистательному символу
искусства и духовности России
великой русской певице
Елене Васильевне Образцовой
посвящаем

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дефилологизация нашей школы
гибельна для нашего общества.

Л.В. Щерба

Духовность — понятие очень емкое, в светском понимании означающее внутренний мир человека от его знаний, интеллекта, нравственных и эстетических чувств до индивидуально-психологических ощущений. *Духовную культуру* философ и публицист И.А. Ильин определял как сферу человеческой деятельности, охватывающую различные стороны жизни человека и общества, как образование *многослойное*, включающее в себя познавательную, нравственную, художественную и иные культуры, как совокупность нематериальных элементов, таких как нормы, правила, законы, духовные ценности, ритуалы, церемонии, символы, мифы, знания, обычаи и традиции и, естественно, язык [Ильин 1992: 21—22].

В противовес духовности бездуховность является главной причиной дегуманизации общества, коренной ломки его ценностных ориентиров, пренебрежительного отношения и к прошлому, и к настоящему.

В.К. Кюхельбекер в июне 1821 г. в лекции о русской литературе, прочитанной в Париже, с гордостью говорил: «Нет, не может провидение одарить великий народ столькими талантами, чтобы затем он коснел и погибал в рабстве. Русские оставят в наследство истории

другую славу, чем славу народа-захватчика и разрушителя. У нашего языка, достойного соперника греческого, будут свои Гомеры, свои Платоны, свои Демосфены» [Кюхельбекер 1954: 380].

М.Е. Салтыков-Щедрин писал о литературе, о «ее воплощении человеческой мысли, воплощении вечном и непреходящем»: «Литература есть нечто такое, что, проходя через века и тысячелетия, заносит на скрижали свои и великие деяния, и безобразия, и подвиги самоотверженности, и гнусные подстрекательства трусости и легкомыслия. И все однажды занесенное ею не пропадает, но передается от потомков к потомкам, вызывая благословения на головы одних и глумления на головы других» («Недоконченные беседы»).

Образование человека — это создание образа, а не чего-то аморфного, бесформенного. Поэтому в процессе образования воспитанников нам следует связывать это образование со святынями, со здоровой духовной пищей, а не вообще с прошлым, в котором было, да и всегда бывает, немало плохого (о чем ярко свидетельствует как раз художественная литература), и его нам не следует идеализировать.

Гуманитарный тип образования предполагает ориентацию на национальную культуру, историю героев, гениев, святых, на родной язык и литературу, на отечественную этнографию, на народную и авторскую классическую музыку, на познание истории и культуры родного края, на науку как одно из высочайших проявлений человеческого духа, без понимания которой и ее места в жизни и культуре духовность немыслима. Можно сказать, что культура — это культ всестороннего осознания мира, иерархии духовных и материальных ценностей в нем. Российский философ П.Г. Редкин в 1857 г. писал о своем понимании истинной образованности так: она «обнимает всего человека нераздельно: тело, чувство, ум и волю — и приготовляет ее для всех сфер жизни — семейной, государственной и общечеловеческой».

Здоровые элементы российского общества, заряженные высокой духовностью, воспитанные на наших лучших традициях, всегда стремились преумножить духовность этого общества и верили в созидательные силы российской культуры. Они стремятся и мыслить, и поступать так и сейчас.

Изучение языка и глубокой, серьезной литературы как средства и стимула развития духовной культуры всегда требует больших усилий: язык, будучи тесно связанным с мышлением, формирует и объ-

ективирует результат мыслительного процесса, своими средствами отображает миллиарды наших наблюдений, выражений чувств, впечатлений, настроений и выводов. Поэтому научиться производить эти операции на достойном уровне — великая и благодатная задача каждого глубокого человека, каждого духовно и интеллектуально развитого общества.

Язык любого народа — это кумулятор, хранитель накопленной народом за многие и многие века духовной культуры и в то же время транслятор этой культуры, передатчик ее от поколения к поколению. Эти способности языка значительно усиливаются, кроме того, деятельностью писателей и науки о языке. Филологи-ученые и педагоги своим трудом делают великое дело для общества, раскрывая для него богатства и выразительные возможности языка. Поэтому Т.К. Донская справедливо подчеркивает значимость тщательного, глубокого познания всех тонкостей родного языка, в том числе языка художественной литературы, эстетики художественного слова: «Культура художественного слова, его эстетической выразительности, глубина авторского замысла не может быть понята без проникновения в текстовую семантику каждого слова, каждой грамматической конструкции, их роли в создании неповторимого авторского мировосприятия родной истории, родной культуры, характера родного народа» [Донская: 6—7].

Стало трюизмом жаловаться на наших детей, что они совсем мало читают художественную литературу, речь их становится маловыразительной, малограмотной. И мы дискутируем, философствуем, определяя, конечно, в качестве виновных прежде всего именно наших детей. Однако положение значительно сложнее, и причины происходящего вовсе не в школьниках. Школьники читают немало. Главная проблема в другом*: что* они читают? Что и почему интересно и что не совсем интересно им читать.

«Изучение языка и литературы в современной школе, — отмечают Э.А. Красновский и Ю.И. Лыссый, — в немалой степени грешит формализмом, в нем ослаблено внимание к семантике и эстетике слова, к национальным корням и истокам, игнорируется понятие и ценности народного языка, тем самым подрывается *сама основа* для воспитания у учащихся любви к родному слову и художественной книге» [Красновский, Лыссый 1998: 36]. Невольно вспоминаются слова

В.В. Маяковского: «*Улица корчится безъязыкая: ей нечем читать и разговаривать*» («Облако в штанах»). Произошла и продолжает углубляться в нашем обществе девальвация слов, их смыслов.

Как верно пишут авторы, беспамятство общества по отношению к филологической науке совсем не случайно. Оно связано с *сознательным и целенаправленным* (курсив наш. — *Авт.*) умалением значения и смысла гуманитарной культуры, душой которой является именно филология [Красновский, Лыссый 1998: 35].

Серьезные проблемы в конце XX — начале XXI в. встали перед осмыслением целей и содержания русской литературы в средних учебных заведениях. Русская литература, как писал историк литературы, библиограф Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920), всегда была одной из тех святынь, в общении с которой человек становился чище и лучше; она «всегда была кафедрой, с которой раздавалось учительное слово», служила «центральным проявлением русского сердца, фокусом, в котором сошлись лучшие качества русского ума» [Венгеров 1907: 15].

И.А. Ильин говорил о том, что у нас, у русских, существуют глубокие отличия от культуры западной. У нас «вся культура — иная, своя, иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец. И притом наша душа открыта для западной культуры».

Однако времена кардинально изменились, потребовав принципиально новых решений. В центре поиска этих решений, естественно, оказалась школа, пытающаяся решать свои нелегкие проблемы в условиях множащегося круга новых литературных источников, а главное, в условиях опрделенных изменений в подходе молодого поколения к отечественной филологии, обусловленных естественным усилением интереса к техническим наукам, компьютериазации нашей жизни и пр.

Для нас же интересно и важно другое, о чем превосходно уже сравнительно давно писал известный липецкий литературовед профессор Владимир Александрович Сарычев в областной «Липецкой газете». Содержание этой работы не могло стать достоянием большого числа теоретиков и практиков преподавния литературы в школе в других регионах страны, хотя оно представляется нам чрезвычайно важным для духовного воспитания нашей молодежи.

В чем основной пафос работы В.А. Сарычева, в чем его, на наш взгляд, вполне справедливая обеспокоенность? В том, что в ряде программ изучения русской литературы в современной школе (программы под ред. Т.Ф. Курдюмовой, программа А.Г. Кутузова, программа для школ и классов с углубленным изучением литературы, для гимназий и лицеев гуманитарного профиля М.Б. Ладыгина и А.И. Княжицкого) русская литература не занимает должного места. В.А. Сарычев приводит примеры из программы для 7-го класса по теме «Мир человека в литературе», начинающейся изучением творчества Сервантеса, Мольера, Дефо, Ирвинга, Джека Лондона. Следует обширный список литературы (20 названий) для самостоятельного прочтения. В аналогичном списке по русской литературе источников всего одиннадцать [Сарычев 2001: 3]. Сходную картину обнаружил ученый и в других классах. Так, в 9-м классе западноевропейский романтизм представлен чуть ли не полным собранием сочинений Гофмана, романами Вальтера Скотта, поэмами Байрона, произведениями Гюго и др. Русский же — отдельными стихотворениями Жуковского, Баратынского, Дельвига, Лермонтова, Козлова, Тютчева, Фета. То же с реализмом. «В результате, — подчеркивает автор, — в представлении учеников глубина художественного мира писателя уступает место лихой закрученности авантюрного или приключенческого сюжета, и великий Пушкин начинает проигрывать не только Дефо, Скотту, но и Стивенсону и Конан Дойлу». Подобных примеров ученый приводит немало и из других программ и учебников по русской литературе. Русская душа в них заменена, по убеждению ученого, непозволительным «западническим» уклоном составителей этих программ. Не возражая в целом против альтернативного подхода к изучению литературы, В.А. Сарычев настаивает на том, что необходимо помнить: «дело школьного образования — воспитание гражданина и патриота, и русская литература — благодатная почва для этого» [там же], и, как абсолютно верно подчеркивает автор статьи, именно русская классическая литература (а мы дополним — и русский язык) — носители наиболее выраженного национального начала.

Отвечая на вопросы одной из газет, драматург И. Грекова справедливо писала: «Ситуацию, сложившуюся сегодня в школьном преподавании русского языка, я считаю крайне неблагополучной. Школа выпускает массу людей, плохо владеющих родным языком и не уме-

ющих выражать на нем свои мысли. В этом меня убедил многолетний опыт преподавательской работы со студентами, вчерашними школьниками. За редкими исключениями, их словесная продукция неряшлива, нелогична, излишне многословна. Винить в этом студентов нельзя: такова система обучения».

Бьют тревогу многие разумные люди и по поводу связи русской литературы в школе с преподаванием русского языка. Опять-таки И. Грекова пишет об этом предельно четко и абсолютно справедливо: «Сколько я могу судить, в настоящее время изучение в школе художественной литературы никак *не способствует возникновению у детей интереса к родному языку*. Так же мало пробуждает любовь к литературе школьное преподавание русского языка. Оба предмета стоят *отдельно* друг от друга, почти никак не соприкасаясь, оба заформализированы, оказенены, засушены до предела... Чтобы вызвать у школьника интерес к литературе как к искусству слова, надо прежде всего повысить его *интерес* к слову (курсив наш. — *Авт.*)».

Известный педагог Лев Айзерман в статье «Сорок лет спустя» в «Учительской газете» за 12 марта 1996 г., анализируя «главные бичи» нашего литературного образования, исчерпывающе привел их перечень. Современные школьники: 1) не умеют вычитывать мысль писателя из самого художественного текста, 2) не умеют воспринимать произведения как художественную мысль, 3) смотрят на произведение как на сумму сведений, 4) надо всем довлеет э к з а м е н, а не мир чувств и эстетики (добавим от себя: особенно сейчас в связи с новшествами в выпускных испытаниях. — *Авт.*), 5) происходит накопление знаний как некоего имущества, 6) осуществляется дегуманизация гуманности и прагматизация культуры. Для нас особенно важны указания на 2, 3, 4, 5 недочеты, поскольку в ликвидации их в практике школьного преподавания мог бы принять участие и русский язык как учебная дисциплина. Особенно нуждается в привлечении к изучению на уроках русского языка и во внеурочной работе со школьниками тезис о мире *эстетики* слова, словесного выражения.

XXI в. внес серьезные коррективы в нашу политическую и экономичесую жизнь, при этом в сфере культурной жизни мы во многом вместе с водой выплеснули и ребенка, в результате чего в обществе (особенно среди молодежи и в сфере искусства) появилось немало новых весьма сомнительных ценностей.

Причин здесь немало, но, думается, все их нужно объединить одним емким словом: утрата почти во всем должного уровня *нормы*: в манерах, этикете, эстетике, в ориентирах на высокое искусство, в культуре речи...

Во многом утратили понимание *нормы* не только учащиеся, но и их родители и, что особенно печально, немалое число деятелей искусства, особенно в сфере нашей эстрады и кинопрозводства. Многие современные сценаристы, драматурги, режиссеры театра и кино, сверхмногочисленные юмористы, так плененные страстями и очарованием бизнеса, соревнуясь друг с другом, порождают немало духовно легковесных, базирующихся на примитивизме и пошлости работ.

Так мало у нас стало современных духовно значимых художественных творений в кино. Пруд пруди сериалов, но многих их авторов заела сугубо бытовая тематика: семейные неурядицы, измены, ревность, жестокость, скандалы, мордобои, разбои и, естественно, поиск «разбойников», убийства... Где же фильмы о наших великих писателях, композиторах, ученых, которых так много и в нашей славной истории, и немало в современной жизни страны? Уже сравнительно давно был снят неплохой фильм «Дневник его жены» о жизни И.А. Бунина. Отрадно было в «Белой студии» телеканала «Культура» услышать о том, что известный кинорежиссер Марлен Хуциев работает над фильмом о Льве Николаевиче Толстом. Но этого ведь совершенно недостаточно на фоне бурного потока «душещепательных» серилов, с трудом успевающих сменять друг друга на телеэкране...

Частью современной творческой интеллигенции, к сожалению, во многом потеряно понимание того, что *их* святая для русской традиционной культуры обязанность — *оберегать* нашу культуру от огрубления, засорения пошлостью во всем, в том числе и в нашей речи. Как можно, например, людей, спасающих нам жизнь, называть в фильмах, в различных интервью не *милиционерами*, не *полицейскими,* не *следователями*, а заимствовать для этой цели имена из «блатной музыки» (из лексикона «деклассированных» элементов общества) унизительные, оскорбительные для защитников нашего народа прозвища: *мильтон, мент, метовка, следак* и пр. Каким чувствам в таких фильмах учиться и научиться нашей молодежи? Что положительного узнать о прошлом родного отечества?

Не выполняет в должной мере возложенной на него важной миссии и наше телевидение, для которого развлекаловка публики, ежедневные разглагольствования о судьбе каких-то неизвестных широкому зрителю личностей и о сугубо личной, интимной жизни личностей известных стали едва ли не главным содержанием ряда передач. Об острейших и спорных проблемах воспитания и образования, о воспитании культуры, о научении этике и эстетике межличностных отношений говорить на нашем телевидении, судя по всему, некогда: куда важнее, скажем, почти ежедневно тратить ценное телевизионное время на подыскивание никому из нас не известному жениху никому из нас не известной невесты и тем решать, видимо, *архиактуальную* для всей необъятной страны задачу.

К чести телеканала «Культура», на нем в передаче Алексея Бегака «Правила жизни» появились-таки первые ростки знакомства общества с историей русского лексикона, а значит, с элементами, истории культуры, с этикой общения, но этого пока так мало для серьезного расширения наших духовных представлений, совершенствования культурных умений и навыков молодежи, и не только ее.

Речи телеведущих, казалось бы, всегда необходимы серьезный самоконтроль, достойный уровень: на нее равняются массы народа, у них эти массы учатся как у эталона культуры. Но тщетно: современные жаргонизмы «крепчают» и на телевидении. Молодежь же (и, к сожалению, не только она) следует за речью наших любимых актеров, юмористов, телеведущих, особенно звезд шоу-бизнеса.

В телепередаче «Время покажет...» ввели в практику возможность любому зрителю публиковать в Твиттере свои впечатления по поводу проблематики очередной передачи. Теперь весь мир каждый день имеет возможность убеждаться, до чего опустилась и продолжает опускаться грамотность наших российских добровольных «корреспондентов» с мест, сколько грубейших ошибок допускается в их «откровениях». Как же теперь в условиях нашей демократии убрать это нововведение со всероссийского телеканала? Не обвинит ли еще кто-нибудь во введении «цензуры»? Не пора ли разобраться в различии значений слов «цензура» и «общественный контроль» в средствах массовой информации. На французском телевидении, как известно, превосходно действует этот «общественный контроль» по вопросам речевой культуры, и никто в демократическом французском обществе не считает его цензурой.

Как же уберечь современного молодого человека от лавин негатива вокруг? Как на этом воинствующем фоне увлечь школьников классической литературой, *ее* эстетикой, идеями и чувствами, если, как свидетельствуют школьные преподаватели, слова Татьяны Лариной «*но я другому отдана и буду век ему верна*» у многих современных школьников (особенно у девушек) вызывают ухмылки и язвительные восклицания? В чем же кроется истинная причина падения филологических интересов нашего молодого поколения? В *новой культурной политке и практике взрослых,* в их, смягчая выражение, скажем: недостаточно серьезном отношении к своей важнейшей миссии — миссии формирования будущего духовного климата в стране.

Русский язык и русская литература содержат в себе широкие потенциальные возможности воспитания личности. Русский язык в качестве учебной дисциплины изучается как язык русской нации, как язык межнационального общения и единения народов России, как иностранный язык. И в этом его великая историческая значимость. Богатые выразительные средства русского языка и литературы имеют широкие потенциальные возможности осуществлять успешную работу с молодежью, направленную на воспитание в ней несомненно положительного отношения к российскому народу с его богатейшей историей и культурой. Но этой работой нужно же кому-то руководить. А руководителя увидеть трудно, невозможно.

Несомненная важность гуманитарного образовании заключается в воспитании с его помощью *ответственности* человека за общезначимые ценности: за воспитание характера, за поиск и обретение им своего места в обществе, *преимущественное внимание* к культуре своего народа (выделено нами. — *Авт.*). Мы, нередко бойко рассуждая о пагубности многих западных ценностей, на самом-то деле ничтоже сумняшеся протаскиваем в фильмы, телепередачи, в печать эти самые «вожделенные» для части деятелей нашей кино- и телеиндустрии ценности, ложно полагая, что они придают весомость нашим творениям.

Одну из важнейших особенностей процесса познания родного слова В.Ю. Троицкий определил следующим образом: «Родное слово нельзя постичь не любя. А полюбить можно, только познавая все многообразие скрытых в нем смыслов, полноту обозначений. Чтобы успешно учить языку и литературе*, нужно изменить наше отношение к слову* (выделено нами. — *Авт.*). В культурно и интеллектуально

развитом обществе с его пониманием того, что слово тоже есть дело, овладение секретами речи, речевого мастерства воспринимается, вполне естествнно, как жизненная *необходимость,* жизненная *потребность.* А чтобы изменить отношение общества к слову, нужны прежде всего и непременно усилия *самого общества* [Троицкий 1996: 55].

«Если, изучая русский язык, человек почувствует красоту и богатство этого языка, — справедливо подчеркивают известные ученые Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, — получит способность восхищаться им и ценить литературу, созданную им, то, естественно, это расширит его кругозор, обогатит запас полезных сведений. И что еще важнее, *человек станет гуманнее, воспитаннее, образованнее* (курсив наш. — *Авт.*)» [Верщагин, Костомаров 1981: 48]. Что же случилось с нашим обществом, если многие его члены глубины этих мыслей уже не понимают?

Серьезной бедой, обрушившейся на наше современное общество, является то, что, как писала член-корреспондент АН СССР Наталья Юрьевна Шведова, наше современное государство не заботится о языке, который как бесценное достояние нации всегда требует охраны и уважительного отношения. «Дело представлется так, — продолжает ученый, — что развитие и охрана языка составляет сферу деятельности лингвистов и литераторов; на самом деле охрана языка, слежение за его использованием, за соблюдением его норм должны осуществляться специалистами при поддержке государства; такой поддержки у нас нет...» [Шведова 1989: V, 4]. С 1989 г. уже так много воды утекло, но ситуация с отношением к русскому языку и русской литературе (а значит, и к традициям нашей отечественной культуры, прежде всего к культуре духовной) в нашем обществе не только не улучшилась, но не продолжает ли ухудшаться?

Другой известный языковед М.И. Черемисина справедливо усматривает связь неспособности общества осознать меру своего речевого бескультурья со значимостью самого этого факта, «плода пренебрежения всей гуманитарной культурой в течение десятилетий, с лишением практической и теоретической лингвистики как части национальной культуры, общественного внимания и престижа» [Черемисина 1990: 188—189].

Языкознание, конечно, преимущественно наука кабинетная. Мало кто знает, чем она занимается, над чем дни и ночи просиживают во

всем мире в поисках истины тысячи ученых, но значимость этой науки для общества, не только теоретическую, но и практическую, для его культуры и истории переоценить просто невозможно. Надо бы было обществу для начала хотя бы понять это. А это осознается под руководством хорошего учителя, хороших программ обучения и хороших учебников.

Профессор В.Ю. Троицкий остро ставит множество вопросов духовного, гражданского и патриотического воспитания молодежи и дает отпор тем силам, которые стремятся «отлучить русских от их истории, постыдно искажают и очерняют ее», представляя русского Ивана как *непомнящего* родства и не ведающего России, бессмысленно жующего жвачку, забывшего родные песни, тонущего в омуте музыкального примитивизма, фактически едва ли не полностью завладевшего нашей молодежной культурой. «Ноги и руки его, — продолжает автор описывать представление врагов России о русском Иване, — дергаются от привычных звуков уже засевшего в его мозгу “рока”...» Ученый выражает уверенность, что мы выдюжим, останемся самими собой, «найдем протвоядие» духовной заразе. Однако для этого школе «нужно серьезно поработать», школьникам же — «узнать и полюбить свою страну, ее историю, ее традиции и ее язык» [Троицкий 1999: 55]. Как говорится, блажен, кто верует. Об этом мы поведем речь позднее, развивая сюжет о том, что «красота спасет мир».

Выдающийся советский композитор Георгий Васильевич Свиридов также не мог не увидеть очень серьезных проблем в нашем воспитании молодежи, в том числе вопитании музыкальном: «Водораздел, размежевание художественных течений, — писал композитор, — происходит в наши дни совсем не по линии «манеры» или так называемых «средств выражения». Надо быть очень наивным человеком, чтобы так думать. Размежевание идет по самой главной, основной линии человеческого бытия — *по линии духовно-нравственной* (курсив наш. — *Авт.*). Здесь — начало всего, смысла жизни» [цит. по: Белоненко А., Белоненко С. 2000: 60—61].

Следуя достижениям психологии познания и обучения, во главу угла работы с учащимися мы, авторы лежащего перед вами коллективного труда, ставим прежде всего реализацию идеи развития интереса к изучению и русского языка, и русской литературы, и традций отечественной культуры. Без воспитания интереса к их познанию все

попытки усилить желание школьника познавать ту или иную науку (даже блистательную филологию) тщетны. Кроме того, необходимо учитывать, что освоение языка учащимися должно тесно увязываться с постижением ими *эстетики* вообще и эстетики слова в частности. Мы основательно учитываем и это положение.

Серьезное изучение любого литературного произведения — это не только напряженная творческая работа над сюжетом, композицией и пр., но и не менее увлекательное, разностороннее исследование его языка в его современном состоянии и истории. Исследование языка в современной школе нередко вытесняется зазубриванием правил написания, склонения/спряжения. Конечно, в такой учебной дисциплине без этого не обойтись, но нельзя заниматься только этим, если хотеть развивать мыслительные способности наших детей и обогащать их познаниями и в области мышления, и в истории культуры и пр.

Формирование интереса к языку, как известно, начинается у детей уже в самые ранние годы жизни. Интерес к познанию в младшем школьном возрасте тесно связан с реализацией занимательности, способствующей появлению чувства удивления и возникновения совершенно естественного интереса к дальнейшему, более глубокому проникновению в те или иные научные истины. В средней же школе при многих благоприятных условиях просходит crescendo, возрастая, дальнейшее развитие этого интереса под руководством преподавателей и специальной учебной литературы.

В советское время по радио и телеведению велись превосходные познавательные передачи о русском языке, издавались серии книг о нем, обогащавшие и детей, и взрослых. Было создано бесчисленное количество произведений научной и мемуарной литературы, изучение которой в состоянии раскрыть величайшее множество интересных и важных страниц творчества, обстоятельств, содействовавших или препятствовавших этому творчеству и способствовавших развитию интереса молодых людей к истории нашей литературы, науки и культуры. Для примера скажем: знакомство только с книгой Авдотьи Яковлевны Панаевой (Головачевой) «Воспоминания», «лучшим введением в мемуаристику XIX века» [Чуковский 1986: 7] раскрывает несметное число фактов жизни и творчества корифеев нашей литературы, фактов, блестяще дополняющих сведения учебников о Пушкине, Белинском, Гоголе, Некрасове, Тургеневе, Добролюбове, Черны-

шевском, Салтыкове-Щедрине, Островском и др. Сколько таких книг не только о писателях, но и об ученых, историках собрано родителями, а еще больше бабушками и дедушами наших современных учеников и хранится не только на полках наших библиотек, но и на домашних полках, среди книг, активно покупавшихся и читавшихся с оромным интересом. Кто-то изучает их теперь? Изучают, конечно, дети умных родителей и талантливых учителей.

Приходится сожалеть о том, что программы по русскому языку и соответственно учебники дают очень немного для ознакомления учащихся с ролью русского языка в истории нашей страны, в ее социально-политической и культурной жизни. Учащиеся старших классов, будущие продолжатели нашей истории, фактически ничего не узнают о понятии «языковая политика» государства (дореволюционного, послереволюционного) и современных проблемах положения русского языка в России и в постсоветских государствах. Сама современная жизнь требует, чтобы эта проблема постепенно разрабатывалась не только в вузовской, но и в аудитории старших школьников: воспитательная значимость этой информации для молодых людей, для формирования в их сознании уважения к родному языку, к родной культуре и истории весьма велика.

Проблемы, поднимаемые в нашем труде, по своей значимости для общества *фундаментальны,* поскольку связаны с решением задач «судьбоносного характера». Мы реализуем попытку способствовать решению целого ряда *теоретических и практических задач* жизнеутверждающей науки филологии: 1) представить наработки в обосновании *интереса* как одного из центральных понятий психологической науки, способствующих успешному развитию процессов обучения и научения; 2) раскрыть направления деятельности учителя русского языка и русской литературы в развитии *интереса* учащихся к познанию конкретной филологической «материи» (различных уровней языка, привлечения данных его истории, текстов художественной литературы, биографий писателей и ученых); 3) показать широту (естественно, в рамках школьного возраста относительную) проблематики филологической науки; 4) учитывая недостаточное внимание учебников русского языка к актуальной проблеме «Язык и культура», «Русский язык и культура», в нашей работе на материале изучаемых в школе текстов художественной литературы, а также этнографии

Брянщины сделать акцент на этих проблемах; 5) реализовать теоретически давно постулируемую идею тесного единства в процессе обучения двух органично связанных научных и учебных дисциплин: русского языка и русской литературы, демонстрируя читателю, как эта связь может осуществляться на уроках литературы и языка; 6) обосновать научную, историческую и культурную значимость для формирующегося члена общества знакомства учащихся с персоналиями не только писателей, но и лингвистов, с их научной и общественной деятельностью; 7) акцентировать внимание не только учителя и учащегося, но и всех читателей на проблеме речевой культуры, а также на ситуации с русским речевым этикетом; 8) обратить особое внимание педагогического и всего культурного сообщества страны, всех сторон образовательно-воспитательного процесса на *эстетическую* сторону воспитания и образования современного школьника не только средствами художественного слова, но и тесно связанной с ним *музыки*, для чего авторами монографии предпринята попытка разработать и представить на суд читателя специальную программу для учителей и родителей (см. приложения 1 и 2); 9) указать на необходимость серьезного усиления внимания к филологической составляющей нашей общей культуры; 10) способствовать определенному кругу старшеклассников уже со школьной скамьи входить в сферу науки, для чего в работе специально использован материал, достаточно сложный и по содержанию, и по форме (темы об этнонимах, о лексике народной медицины, размышления о методологии и методике научного исследования и др.): такая работа, естественно, предполагает использование преподавателем *индивидуального* учета интересов и способностей отдельных учащихся, как и традиционные межпредметные связи с историками, географами и др.

Наша работа не претендует ни на признание ее своеобразным *учебником,* ни на некую обязательную *программу* изучения русской филологии в школе. Ее цель заключается в том, чтобы показать читателю широчайшую проблематику филологической науки, высветить увлекательные и практически интереснейшие аспекты, которые разрабатываются ею и которые способны углубить практические познания учащихся в филологии, в овладении речевой культурой, речевым этикетом и пр., которым мы отводим исключительно важную роль в процессе культурного, в том числе филологического, воспитания совре-

менной молодежи. Дело учителя — самому выбрать или дополнить комплекс наиболее интересных материалов (а сколько их из-за экономии места не вошло в текст нашего исследования).

Авторы исходят из постулата, в соответствии с которым современные высшие и средние учебные заведения, как и все наше общество в целом, нуждаются в серьезной активизации *эстетического* воспитания молодежи, эстетического отношения к слову, важной частью такого подхода является как раз филология.

Язык данной научной монографии кому-то может показаться несколько необычным: он характеризутся совмещением научного стиля изложения с *научно-популярным* его подстилем. Это объясняется трудным на практике соединением научного стиля с выражением наших многочисленных авторских эмоций по поводу поднимаемых в работе вопросов и предназначением проблематики нашей работы для самой широкой читательской аудитории.

ГЛАВА 1

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ У ШКОЛЬНИКОВ ИНТЕРЕСА К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ТРАДИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Наука молодит душу, уменьшает горечь старости.

Леонардо да Винчи

Преподавание различных учебных дисциплин в школе, как правило, основывается на положении об общеобразовательном их значении, поскольку любая наука способствует формированию мировоззрения, миропонимания, познанию законов природы, общества и мышления. Леонардо да Винчи призывал: «Собирай же мудрость, собирай сладкую пищу для старости».

Стимулы изучения любой научной дисциплины в детском возрасте с позиции обучаемого слагаются из ряда компонентов интеллектуального и психического характера, среди которых: 1) стремление к познанию неизвестного, 2) осмысление своего места в системе социальных отношений и ценностей и др.

Нельзя не учитывать еще одного важного стимула, особенно сильно проявляющегося в самом раннем возрасте, — стремления в процессе познания подражать кому-либо из авторитетов (родителям ли, друзьям ли, или героям фильмов, спортсменам, звездам шоу-бизнеса, «моделям»).

В пробуждении интереса к предмету определяющим образом нередко, как известно, действует личность учителя. Каждый из нас, педагогов, учителей-предметников, и в своих науках, и в их истории, и в своей собственной деятельности отыщет немало примеров, подтверждающих эту мысль.

Интерес представляет собою позитивную эмоцию, переживаемую человеком чаще, чем все другие эмоции, и играет исключительно важ-

ную роль в формировании и развитии навыков, умений и интеллекта. Американский ученый Изард Кэррол подчеркивает, что интерес является единственной мотивацией, которая обеспечивает работоспособность человека [там же: 105—106].

Понятно, что ссылки на авторитет еще не есть доказательство, но авторитет в науке и в искусстве завоевывается огромным трудом, осуществлением страсти к познанию, стремлением к глубоким размышлениям, так что авторитет никак нельзя сбрасывать со счетов, особенно на первых шагах и в науку, и в искусство, и вообще в жизнь.

Какие же качества особенно привлекают школьников в их учителе? Их много, но некоторые из них особенно важны, при этом перечень их для разного возраста различен. Так, для младших школьников особенно важны в учителе: 1) его внешний вид, 2) жизнерадостность, ласковость, улыбчивость, доброта. Для старших школьников важны уже и: 1) глубокое знание предмета, 2) умение будить мысль, быть интересным для учащихся, 3) способность быть для них источником радости общения, 4) эмоциональность и артистизм, 4) умение доступно излагать учебный материал, 5) обладание силой эмоционально-волевого воздействия, 6) уверенность в себе, 7) коммуникативные способности, уважение к слушателю, отсутствие фамильярности, унижения ученика в общении с ним, а тем более в присутствии соучеников, 8) организаторские способности, особенно умение сплотить коллектив и др.

К.Д. Ушинский полагал, что в воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила «изливается только из живого источника человеческой личности» [Ушинский VI: 306]. В своих трудах ученый снова и снова возвращался к этой проблеме. «Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем инструкции: не согретая теплотой его личного убеждения, она не будет иметь никакой силы», — писал выдающийся педагог [Ушинский II: 28].

Наш выдающийся филолог академик Ф.И. Буслаев в 1844 г. в труде «О преподавании отечественного языка» писал: «Мне даже неприятно видеть исключительно только учителя языка, естественной истории или географии и пр., когда я ожидаю большего: воспитателя детей, образующего разум для образования сердца и вносящего светоч в души еще новые, чтобы осветить их благоразумием и добродетелью

[Буслаев 1992: 27]. И далее ученый размышлял о том, что же нужно учителю, чтобы «определить преподавание языка», и пришел к выводу, что, во-первых, надо определить «самый предмет» и, во-вторых, «показать, каким образом этот предмет должен быть средством к воспитанию и каким образом довести учащегося до основательного знания и сознательного действования» [там же]. Итак, нужна разумная программа изучения языка, а затем, несомненно, достойные приемы ее освоения.

Многие психологи справедливо уделяют большое внимание проблеме интереса в обучении. Опять-таки Ф.И. Буслаев подчеркивал, что «нет ничего вреднее в педагогическом отношении, как чрезмерное преобладание утомительного для ума и памяти *бесплодного заучивания наизусть грамматических правил*, отрешенных от живой, осмысленной речи (курсив наш. — *Авт.*), как в младших классах, так и особенно в старших. Где время должно быть сберегаемо для предметов, более обязательных по их образовательному действию в умственном и нравственном отношении» [Буслаев 1992: 431].

Интерес направляет и поддерживает интеллектуальную активность человека, который, как правило, по своим физическим возможностям не в состоянии очень долгое время заниматься каким-то одним делом, если оно для него не представляет особого интереса. Известный русский педагог Н.Ф. Бунаков говорил: «Если с первого раза школьное дело детям представляется, во-первых, серьезным, во-вторых, интересным, занимательным, если учитель затем сумеет как можно чаще повторять такое впечатление, в душе маленького ученика накопится масса таких следов, которые в результате дадут представление об учении как о деле важном и занимательном в одно и то же время» [Бунаков 2007: 26].

К таким «важным и занимательным» делам в еще большей степени относится изучение в школе литературы, хотя проблем с содержанием преподавания и изучения этой дисциплины в школе, пожалуй, значительно больше, чем даже с родным языком.

Изучение отечественной филологии не может считаться удовлетворительным без важного компонента и науки и культуры общества — без изучения хотя бы фрагментов истории науки, в нашем случае истории филологии. Но если элементы истории литературы в школьном обучении заметно представлены, то история науки о языке — это terra

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru